

В Березовке, наутро, перед волостью стояли розвальни. В розвальнях лежало тело Савелия с широкою ранюю на шее. Наехали власти, но убийцу, разумеется, нигде не удалось ни разыскать, ни поймать.

Неизвестно, где теперь Рафаил. А труп Тимоши унесли, наверно, весенние потоки и похоронили в глубоком овраге или на дне озера.

<1887—1889>

«Орловский вестник», 1889, № 125, 20 сентября. Заглавие «Божьи люди». Подпись: Ив. Б—н.

Впервые: «Родина», 1887, № 39, 28 сентября (под заглавием «Два странника»; подпись: Ив. Бувиц). В публикации «Орловского вестника» — значительная стилистическая правка; название и первоначальное имя героя (Еремушка) изменены.

Воспроизведено (со значительными неточностями): «Радуга», 1968, № 9.

ДЕНЬ ЗА ДЕНЬ

Старая история

Тихон Иванович Кондауров сидел после обеда в своей комнате и играл на немецкой гармонии вальс «Тигренок», подпевая себе самым тоненьким голоском, так что даже брови у него поднялись кверху и все лицо приняло страдальческое выражение. Тихон Иванович, конечно, баловался, а баловался оттого, что был, во-первых, в спокойном расположении духа (впрочем, в скучном или беспокойном духе он, по его словам, никогда не бывал), во-вторых, чувствовал себя в физическом отношении даже больше чем спокойно; в этом отношении он тоже никогда почти жаловаться не мог, и, в-третьих, оттого, что день был — 20-е число и в кармане его узких, модных брюк лежало 45 рублей жалованья. Тихон Иванович был человек служащий, полнее сказать, служащий у старшего нотариуса елецкого окружного суда. Дело свое он знал хорошо, так что иногда брал на себя даже роль поверенного по чьим-нибудь делам, принимал на себя хлопоты по закладу в банки и т. п. От всего этого у него набиралось в месяц почти 70 р., а это было очень недурно, если принять во внимание пресжнее положение Тихона Ивановича в юношестве, когда он был библиотекарем в маленькой библиотеке захолустного уездного города и звался Тишкой. Теперь же он нанял себе квартиру в три комнаты с кухней, с отоплением и с мебелью, даже с украшениями в виде олеографий; женился на дочери мелкого помещика, причем взял немного приданого, завел себе «рабочий» кабинет, в котором стоял письменный стол, а на столе — две фигуры белых гипсовых китайцев, прекрасная чернильница и лежала стопка бумаги, на которой было напечатано: «Тихон Иванович Кондауров в Ельце»; купил себе ружье, длинные сапоги, которые постоянно лежали в пыли под кроватью, достал даже громадного, кудрявого водолаза и звал его «Бисмарк».

Что касается самого Тихона Ивановича, то он пополнел, стал солидным мужчиной, стал носить на своих больших ногах модные штiblеты и такие же брюки, куцую визитку и, постоянно, накрахмаленные рубашки с стоячими воротничками. Правда, такой костюм не был очень красив на плотной и здоровой фигуре Тихона Ивановича, но Тихон Иванович не замечал этого. Про себя он вообще думал, что он красив; ему нравилось его полное, молодое лицо и смелое (даже, говоря по правде, наглое) выражение его, под гребенку остриженная голова и даже манеры, походка; ходил же он, немного подаваясь вперед и постоянно заложив руки в боковые карманы брюк, т. е. вообще небрежно, двигаясь, как на лыжах, в своих низких штiblетах.

Итак, он сидел, покачивался, держал папиросу во рту, играл «Тигренка» и подпевал себе то басом, то фальцетом. Он даже не обернулся, когда в кабинет вошла его жена — Надежда Федоровна. Она была совсем не похожа на Тихона Ивановича, — небольшого роста, худая, с бледным, задумчивым лицом. Вошла она, кутаясь в платок,

и прилегла на кушетке, стоявшей в углу. Тихон Иванович взглянул на нее, бросил папиросу и, отвернувшись в сторону, заиграл бойко и размашисто «Шумна Марица окрвавленна!..»

— Ты пойдешь сегодня куда-нибудь?— спросила Надежда Федоровна.

Тихон Иванович утвердительно кивнул головой и всем корпусом продолжал играть.

— Куда?— продолжала Надежда Федоровна.

— Знаем куда,— ответил Тихон Иванович.

— В цирк, что ли?— повторила она.

— Нет.

— К Крутикову?

— Нет.

— Куда же?

— Знаем куда.

Надежда Федоровна вскочила и сразу вспыхнула.

— Что это за «знаем куда»?— закричала она со злобою и уже почти со слезами, — что это за разговор со мною? Неужели ты не можешь сказать как следует... Вечно так...

Тихон Иванович перестал играть и бросил косой взгляд на жену.

— Нельзя ли потише-с?— спросил он насмешливо.

— Нечего мне «поттише-с»,— закричала опять Надежда Федоровна, — ты со мною слова путного никогда не скажешь. Я, ей богу, разговаривать с тобой никогда не стану... Это...

— Дальше?— резко крикнул Тихон Иванович, сразу повертываясь и подпирая руки в бока. Надежда Федоровна хотела тоже что-то крикнуть, но не смогла, махнула рукой, вскочила и с рыданиями выбежала из комнаты.

Тихон Иванович поглядел за нею, встал. Ему стало немножко жаль ее.

— Пойти, что ли,— подумал он, стоя.— Нет, ну ее к... чертям,— возразил он себе сейчас же и растянулся на диване.

Полежав, он закрыл глаза и стал уже погружаться в сон; но вдруг вскочил, сбросил с себя визитку и жилет, расстегнул рубашку и снова упал на подушку... Через несколько минут он храпел.

В сумерки он встал, крепко потянулся, сплюнул и стал умываться. Умывшись он оделся, подрал себе стриженую голову щеткою, надел поддевку на лисьем меху и напевая «Чудные девы, девы мои!..», вышел.

А Надежда Федоровна все это время лежала в своей спальне и думала невеселые думы. Наплакавшись, она немного успокоилась и погрузилась в какую-то элегическую, тихо сосущую сердце грусть. Засылав, что муж проснулся, она вскочила и, как только он хлопнул дверью на крыльцо, с лихорадочною поспешностью стала одеваться. Она твердо решила проследить, куда отправится Тихон Иванович. Но, когда ей осталось только надеть калоши, сразу остановилась: во-первых, Тихон Иванович прежде всего отправится в ресторан и будет долго играть там на биллиарде, выпивать с Крутиковым, напевать и скользить на своих лыжах-штиблетах вокруг биллиарда. Потом они выйдут на улицу, крикнут извозчика и, не прерывая веселого, циничного разговора, «закатаются» до полночи куда-то... Все это быстро пришло в голову Надежде Федоровне. Она вдруг почувствовала такое страшное презрение к нему, что, не расстегивая пуговиц, сорвала с себя дипломат, бросила шапочку и подошла к окну. Через некоторое время злоба улеглась, и она стала глядеть на темную, грязную улицу и ночное осеннее небо. Она опять задумалась... На глазах у нее стояли тихие, горячие слезы.

Она сама не знала, зачем вышла замуж за Кондаурова. Когда они венчались, она не думала определенно о цели этой свадьбы; венчалась потому, что другие венчаются. выходят замуж,— и она должна была идти. Почему она так поступала?— Объяснить

это можно только тем, что она почти не получила никакого развития и воспитания, с пятнадцати лет, со времени выхода из гимназии, все время жила дома, у отца, мелкого помещика. Идеалов, стремлений не имела почти никаких, читала мало, больше всего иллюстрированные журналы, — словом, была настоящей уездной барышней даже без городского лоска. Но удивительно, что она теперь, в сущности нисколько не переменилась, теперь, когда все, так сказать, кончено, начала ощущать страшную пустоту, тяжесть бесцельной, однообразной жизни с Тихоном Ивановичем. Прежде она почему-то вовсе не чувствовала болезненного чувства неудовлетворенности от того, что жила день за днем, однообразно и скучно; теперь же это чувство развилось до громадных размеров.

— Господи! что же будет дальше, — думала она, и болезненная тоска все возрастала; неужели я теперь погребена и на целую, да, на целую жизнь осталась в Ельце?.. Неужто дни будут проходить так же бесцельно? Вот теперь зима, потом весна, лето и опять все сначала. И весна, и зима, и лето — я наперед знаю, как пройдут. Те же дни, тот же обед, сцены после обеда до тусклых сумерек?! Она села на кровать и вздернула плечами... Она боялась даже дальше думать об этом.

Какою поэтично, хорошею казалась ей теперь ее жизнь у отца! В деревне, на воле вовсе нет такой тяжелой и однообразной жизни... Вот теперь зима... Разве прежде зима оставляла на нее такое впечатление?.. Нет, она даже страшно любила ее прежде, любила холодные, серые дни, необъятные, пустынные снежные поля, любила долгие вечера... В комнате тихо. Тихо так, что слышишь, как шипит керосин в горящей лампе... Отец сидит на лежанке и наигрывает на гитаре полудремотные, полугрустные мелодии; в сердце поднимается какое-то хорошее, но смутное неопределенное чувство, кажется, что вспоминается что-то далекое и милое, кажется, что сердце со всем примиряется и только просит этого меланхолического сладкого раздумья...

Так, или приблизительно так, думала Надежда Федоровна, и от этого ей становилось еще тяжелее... Как она ненавидела в эти минуты город, свою квартиру и больше всего Тихона Ивановича!

Являлось даже смутное желание отомстить ему.

Она вспомнила о соседке, учителе уездного училища, молодом, скромном человеке, который, как она успела заметить, был влюблен в нее... «А ведь он милый», — подумала она и закрыла глаза... Мысли о том, как бы он стал любить ее, ласкать, целовать руки, сидеть с нею по вечерам наедине, пошли бесконечною чередой. Машинально она встала и взяла с окна чернильницу и бумагу с твердым намерением написать ему ласковое письмо с просьбою прийти, посетить ее вечером и т. п.

Но когда она взяла уже перо и села к столу, ей расхотелось писать. Она бросила перо и опять прилегла на кровать.

Часа в два ночи она услышала, что вернулся Тихон Иванович; раздевшись в передней, он зажег лампу и куда-то прошел с нею по комнатам. Потом вошел в спальную, снимал с себя платье и, что-то бормоча и сопя, лег около нее. Она молчала, как убитая...

В комнате было темно и тихо.

Только слышался шум ветра; на дворе стояла вьюга.

«Господи, завтра все это опять повторится!» — подумала она, уже начиная дремать...

<1889>

«Орловский вестник», 1889, № 156, 22 ноября. Подпись: Ив. Бунин.

Воспроизведено (с неточностями в заглавии и в тексте): «Радуга», 1965, № 4.